

А. Ахматова – переводчик поэмы К. Хетагурова «Кто ты?»: варианты и интерпретация

Elizaveta Borisovna Dzaparova

(V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, Republic of North Ossetia-Alania Vladikavkaz)

Abstract The article presents a comparative analysis of the original text of the Kosta L. Khetagurov's poem "Chi dæ?" ("Who are you?") with three variants of Akhmatova's translation into Russian in order to reveal the most appropriate artistic text. The line-by-line comparison of translations with the original determines the interpreter's choice of stylistic means and lexical variants in the transmission of certain units of the original language. The paper deals with translation strategies for achieving Akhmatova the equivalency of the Khetagurov's verse in translation. It identifies a number of other features of the transfer of verse forms, such as the location to save the rhyme translator uses inversion. Transfer of linguistic units from national and cultural semantics Akhmatova reduced to the transcribed or the omission of them in translated text. As a result of the analysis of the equivalent transfer of the lexical units of the original in the variants of the translation of the poem "Chi dæ?", the author of the study comes to the conclusion that the most successful is Akhmatova's translated text published in the collection of Kosta L. Khetagurov's works in 1951.

Keywords Artistic translation. Equivalency. Lexical unit. Stylistic means. Translation unit. Transcription. National colouring. Substring. Artistic image. Translating language. Source language. Translated text. Source text.

Ни один из осетинских писателей не пользовался таким успехом у переводчиков, как Коста Хетагуров (см. Дзахов НА СОИГСИ, Дзахов 1996, Дзапарова 2012, 251-263, Дзапарова 2012, 80-90, Дзапарова 2014, 96-115). Его произведения переведены на многие языки народов бывшего СССР. Осуществлены переводы произведений Коста на иностранные языки: английский, французский, немецкий, арабский, исландский, китайский, польский, чешский, болгарский, венгерский (Материалы о Коста Хетагурове, НА СОИГСИ). Впервые масштабный характер работа по переводу произведений Коста приобрела к 80-летию со дня рождения осетинского писателя в 1939 году. К юбилею отдельными сборниками издана поэзия, проза, драматургия писателя на русском, осетинском, грузинском языках. Среди них осетинские и грузинские варианты переводов русскоязычных поэм «Фатима» (пер.

Х. Ардасенова, Г. Цецхладзе), «Перед судом» (пер. Г. Кайтукова, Х. Плиева, В. Горгадзе), «Плачущая скала» (отрывок, пер. Г. Дзугаева, Г. Плиева, С. Тавадзе), «Кому живется весело» (Подражание Н.А. Некрасову) (пер. Д. Мамсурова, М. Патаридзе), пьесы «Дуня» (пер. Г. Джатиева, И. Кипиани), этнографического очерка «Быт горных осетин» (пер. Г. Джатиева, И. Зурабишвили). Переводы из К. Хетагурова продолжили дело по культурному обмену, пробудили интерес других народов к творчеству писателя и ко всей осетинской литературе в целом. Издание произведений Хетагурова на осетинском и других языках, несмотря на качество отдельных переводов, способствовало возрастанию интереса в осетинской литературе к переводу как процессу и результату переводческой деятельности, к теоретическому осмыслению проблем художественного перевода.

Среди переводчиков поэтических произведений писателя на русский язык отмечены А. Гулуев, Л. Озеров, Б. Иринин, П. Панченко, Б. Брик, Б. Серебряков, С. Олендер, М. Исаковский, Н. Тихонов, С. Липкин, А. Шпирт, Б. Авсарагов, Н. Заболоцкий, В. Казин, Д. Кедрин, П. Антокольский, И. Уткина, Д. Кедрин, Н. Ушаков, П. Семькин и мн. др. Благодаря работе переводчиков произведения Коста стали достоянием миллионов читателей.

Среди русскоязычных переводов произведений Коста Хетагурова видное место занимает поэма «*Чи дæ?*» – «*Кто ты?*» (см. Г.А. 1936). К переводам указанного произведения обращались П. Сосиев (Хетагуров 1936), Е. Благинина (Хетагуров 1949), А. Ахматова, Л. Озеров (Хетагуров 1981). А. Ахматова переводила не только произведения Хетагурова, но и других осетинских писателей: С. Гадиева, Г. Кайтукова, Д. Мамсурова, Г. Плиева, Б. Мургазова, А. Царукаева. К художественному переводу, как известно, поэтесса обратилась в период своей литературной немоты. Подвергнутая гонениям в годы репрессий, Ахматова не имела возможности публиковать свои произведения, и постоянная материальная нужда заставила ее обратиться к подобному литературному заработку.

Художественный перевод поэмы Хетагурова «*Чи дæ?*», принадлежащий А. Ахматовой, существует в трех вариантах. Первый – всем известный нам вариант перевода Ахматовой, опубликованный впервые в 1951 году в собрании художественных сочинений К. Хетагурова (Хетагуров 1951, 144-163). Второй вариант перевода одноименного произведения включен в антологию «Осетинской литературы», вышедшую в Москве в 1952 году (Осетинская литература 1952, 98-101). Большая заслуга в обнаружении третьего варианта перевода поэмы «*Кто ты?*» Ахматовой принадлежит Ф.Т. Найфоновой. Скрупулезная работа по сбору материала помогла исследователю обнаружить машинописный вариант перевода поэмы Хетагурова в отделе рукописей Российской национальной библиотеки

(Найфонова 2014, 67-74). Датировка этого варианта перевода неизвестна. Вполне возможно, что он является самым ранним переводным текстом А. Ахматовой поэмы «*Кто ты?*». Эти тексты и послужили материалом для нашего исследования. Мы условно обозначили перевод А. Ахматовой, изданный в 1951 году – первым вариантом, в 1952 году – вторым вариантом, а вариант, извлеченный из фондов Российской национальной библиотеки, третьим.

Во всех трех вариантах художественного перевода наблюдаются разночтения. С чем связано повторное обращение А. Ахматовой в переводах к тексту К. Хетагурова неизвестно. Мы можем лишь разделить точку зрения Ф. Найфоновой и предположить, что каждый новый вариант является доработкой старого на основе нового подстрочника (Найфонова 2014, 67-74).

Обратимся к русскоязычным вариантам поэмы Хетагурова «*Чи дæ?*» – «*Кто ты?*» и путем сравнительно-сопоставительного анализа проследим степень эквивалентной передачи Ахматовой лексических единиц подлинника, его смысловых и стилистических особенностей.

Как известно, перевод поэтического текста требует от переводчика особого языкового чутья, более высокой профессиональной подготовки. По мнению Л.С. Бархударова, трудность перевода поэтического текста обусловлена «расхождениями между структурой двух языков и жесткими формальными требованиями, налагаемыми на поэтические тексты» (Бархударов 1984, 41). Бесспорно, при переводе художественного произведения выбор переводчиком того или иного слова должен быть осознанным, так как каждое слово несет в тексте особую информацию. Из ряда лексических эквивалентов он должен выбрать ту единицу, которая наиболее полно воспроизведет значение исходной, не искажая при этом смысл всего художественного текста.

Анализируя поэму К. Хетагурова в оригинале и в переводах А. Ахматовой, мы сталкиваемся с небольшими расхождениями. В большинстве случаев они связаны с выбором стилистических средств и лексических вариантов при передаче единиц исходного языка. Естественно, не зная язык оригинала, Ахматова прибегала к помощи подстрочного перевода. Но не все подстрочники могли соблюдать принцип буквальности/дословности при переводе лексем оригинального текста. Из этих соображений примеры из подлинника будем сопровождать двумя подстрочными переводами: первый найден нами в фондах научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ), второй – принадлежит автору данного исследования (Е.Дз.). Приведем пример первой строфы.

Оригинал

Мыггагай ма ма фæрс, –
Уæздан лæг нæ дæн;
Мае уындмае мын ма кæс,
Нæ бæззын чызгæн.

Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)

Не спрашивай, кто я родом,
Не из узденей я (дворян, привилегированных).
Не смотри на мою внешность (не цени меня по внешности),
Не гожусь в девушки (я не красавец).

Подстрочный перевод (Е.Дз.)

Мой род меня не спрашивай, –
Не являюсь благородным (аристократом, дворянином);
Не смотри на мою внешность (облик),
Не гожусь в девушки

Рассмотрим перевод на русский язык Ахматовой соответствующей строфы:

I вариант

Не спрашивай, кто я, –
Ведь я не уздень.
Я не из красавцев.
Хоть в шелк разодень.
(Хетагуров 1951, 145)

II вариант

Не спрашивай, кто я?
Ведь я не уздень.
Я не из красавцев,
Хоть в шелк разодень.
(Хетагуров 1952, 98)

III вариант

Не спрашивай, кто я!
О, я не уздень.
Не так я прекрасен,
Как радостный день.
(Найфонова 2014, 71)

Как легко заметить, перевод строфы оригинала в первом и втором вариантах схож, но не совсем верно, на наш взгляд, передает авторскую мысль. Мы не увидим в переводе последний стих четверостишия: «*Мае уындмае мын ма кæс, / **Нæ бæззын чызгæн** – Я не из красавцев. / **Хоть в шелк разодень**»». В перевод вводятся отсутствующие в оригинале лексемы «*красавец*», «*шелк*», «*разодень*». В третьем варианте Анна Ахматова при переводе указанных строк и вовсе использует сравнительный оборот: «*Не так я прекрасен, / Как радостный день*», которого нет в оригинале. Удачно переводчиком, как кажется, употребляется здесь междометие «О» («*О, я не уздень*»), с помощью которого автору перевода удалось передать тоску и печаль лирического героя.*

Во второй и третьей строфах Ахматова столкнулась с переводом языковых единиц с национально-культурной семантикой: «*четæн*», «*куырæт*», «*цухъхъа*», «*нымæтхуд*», «*æрчъитæ*», «*уæрдæх*».

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Мæ хæдон – четæнæй, Мæ куырæт – кæттаг,	Рубашка моя из холста, Бешмет – из грубого полотна,	Моя рубашка – из холста, Мой бешмет – полотно,
Мæ цухъхъа – цъæх тынæй – Нæхи хохбæстаг.	Черкеска моя – из грубого, домашнего сукна, Вытканного в наших горах.	Моя черкеска – из серого сукна – Нашего горного края.
Нымæт худ, æрчъитæ, Мæ ронбаст – уæрдæх... Фæрсыс ма мæ: чи дæ? Уæд байхъус дзæбæх!..	Войлочная шляпа, арчита, Мой пояс из прута (каболки). Если еще спрашиваешь: «кто ты». То послушай внимательно.	Войлочная шапка, арчъита, Мой пояс – бечева... Спрашиваешь еще меня: кто ты? Тогда слушай хорошо!

В переводе А. Ахматовой:

I вариант	II вариант	III вариант
Рубашка – холстина. Бешмет – полотно, И выткано грубо Черкески сукно.	Рубашка – холстина, Бешмет – полотно, И выткано грубо Черкески сукно.	Рубашка – холстина, Бешмет – полотно, И выткано дома Черкески сукно.
Прутом подпоясан, Арчита ношу... А кто я? Ну, слушай – Вниманья прошу.	Ношу я арчита, И пояс мой – прут. Но кто я, – прослушай Внимательно тут.	Ношу я арчита, И пояс мой – прут, Но кто я, – послушай Внимательно тут.

Все три варианта перевода А. Ахматовой отражают мысль автора, но в третьей строфе поэмы, как кажется, есть некоторые упущения. Переводчик опускает такие детали подлинника, как: «*нымæтхуд*» («войлочная шапка»), «*уæрдæх*» («бечевка», «веревка из хвороста»), в переводе «*прут*» («уис»). С передачей других единиц перевода А. Ахматова успешно справилась. Обращает на себя внимание транскрибирование в переводе лексемы «*арчита*»¹ (см. Мамиева 2013, 149), придающее русскоязычному тексту некую экзотичность. Лексема, обозначающая разновидность горной обуви, не имеет прямого

¹ Передачу лексемы «*æрчъитæ*» в некоторых переводных произведениях Коста Хетагурова рассматривают в своих статьях Е.В. Сенько (Сенько 1992, 134-145), В.С. Томеллери, М. Сальватори (Томеллери, Сальватори 2013, 10-17).

эквивалента в переводящем языке, да и нахождение соответствия привело бы к стиранию национального колорита. Должен ли переводчик в этом случае перенести национальную специфику в переводной текст или приблизить его к принимающей культуре? Многие теоретики и практики художественного перевода считают, что вольное обращение с национальным колоритом в переводе недопустимо, что не надо переносить чужое произведение на свою, родную, почву и делать его своим. Тут уместно привести следующую цитату: «Художественный перевод, – по мнению И.А. Кашкина, – должен показать читателю чужую действительность и ее «чужеземность», донести до него стилистическое своеобразие подлинника, сохранить текст в «его народной одежде» (Кашкин 1977, 457).

Возьмем следующую строфу в оригинале и в переводе Ахматовой:

Йæ бахъуыд – сахатæн	А чем еще может
Мæгуыры бон цуу? –	Ей бедный помочь?..
Нæ фæци мæ мадæн	Всегда нависала
Нæ фæйнуст, нæ тиу.	Над матерью ночь.

В переводе Ахматовой, на наш взгляд, не только не найдены лексические эквиваленты словам оригинала «*фæйнуст*» («ятровь», «жена деверя»), «*тиу*» («деверь»), но и дописываются последние две строки произведения: *Нæ фæци мæ мадæн / Нæ фæйнуст, нæ тиу* – в переводе: *Всегда нависала / Над матерью ночь*. Для сравнения приведем подстрочный перевод строфы:

Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)

Чем еще может помочь
Бедняк в случае нужды?
Не было у моей матери
Ни невестки (ятрови), ни деверя.

Подстрочный перевод (Е.Дз.)

Нужда в нем – на час
Что в силах бедняка? –
Не было у моей матери
Ни ятрови, ни деверя.

Помимо вышеперечисленного, следует отметить холостую рифмовку в строфе («АВСВ»), где не рифмуются первый и третий стих. Впрочем, обеднение перекрестной рифмы оригинала мы наблюдаем во всех вариантах перевода А. Ахматовой. Чередование мужских и женских окончаний строк оригинала сохранено и в переводе.

Последующие восемь строф во всех вариантах перевода Анны Ахматовой идентичны, но и здесь мы наблюдаем некоторые расхождения с оригиналом. Приведем такой пример.

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Куыд фæрæзта, уыйас – Æппæтæй дæр фаг! Фæцарддæн æм иу аз, Фæдæн æм дыггаг.	Как было ей вмоготу столько заботы. Всего давала мне вдоволь. Прожил я у нее один год, Остался и на другой.	Как успевала столько заботы. Во всем достаток! Пожил у нее один год, Пробыл и второй.

В переводе Ахматовой:

– Дитя баловала
Заботой своей, –
Те ранние годы
Всего мне милей.

В переводе довольно-таки трудно узнать Коста. Переводчик не полностью, на наш взгляд, раскрывает в строфе мысль автора. Эквивалентность в переводе достигнута, но говорить об эквивалентности лексических единиц исходного языка даже не приходится.

Эквивалентность единиц перевода компенсирована в строфах:

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)	Перевод Ахматовой
Фæхъомыл дæн афтæ, – Æдæрсгæ цыддæн...	Так подрос я, Стал уверенней ходить...	Так подрос я, Бесстрашно шел...	И так подрастал я В безопасности сам.
Кæм заргæ, кæм кафгæ Æмбырдтыл зылддæн	То с пением, то с пляской Я по пирам ходил.	То с пением, то с пляской По пирам ходил.	То с пеньем, то с пляской Бродя по пирам.

Дыггаг ус æрхаста... Æркодтой мæн дæр...	Женился он второй раз... Привели и меня домой...	Второй раз женился... Привели и меня...	Он снова женился, – Пришел я домой,
Мæ «чындз» мæ нæ уарзта, Фыдсыл уыд кæмдæр!	Мачеха меня не любила, Такой злой женщины не найти.	Моя «сноха» меня не любила Злонравной женщиной была!	Всего натерпелся От мачехи злой...

Построчное сличение перевода с оригиналом демонстрирует стремление свести к минимуму ошибки переводчика. Ахматова учла в переводных строфах количество строк соответственно их порядку и количеству в оригинале. Лексемы «чындыз» (с осет. «сноха», «невестка»), «фыдсыл» (с осет. «злонравная женщина», «злая женщина») удачно «объединены» в переводе в «мачеху злую». Русскоязычный эквивалент в полной мере передает семантику слов оригинала.

Расходятся значения лексических единиц в оригинале и в переводе первых двух строк следующей строфы.

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)	Перевод Ахматовой
Мæ фыд-иу къуыригай	Отец мой неделями	Мой отец неделями	Отец на охоте
Дзæбидырдуан цыд, Йæ ус та æригай	Охотился за турами, А жена его побиралась	Охотился на туров, Его жена же попрошкой	В далеких лесах. Жена побиралась
Хæдзар-хæдзар зылд.	По дворам	Ходила из дома в дом	В соседних дворах

В общем-то, переводчиком мысль отрывка передана, но в переводе, как видим, Ахматова опускает следующие детали подлинника: «къуыригай / Дзæбидырдуан цыд». Переводчик на это указывает в другом четверостишии:

Оригинал	Подстрочный перевод (СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Фæдзурынц æй ал-хатт, – Мæ фыдæй хуыздæр Лæг цуаны нæ ахатт. Ныххæррæгъ кæмдæр!	Рассказывают часто – Лучше моего отца Никто не охотился... Разбился он где-то	Рассказывают каждый раз, – Лучше моего отца Никто не охотился. Разбился (пропал без вести) где-то!

I вариант

За туром бесстрашно
Погнался отец
И в пропасти горной
Нашел свой конец.

II и III варианты

За туром гоняясь.
Был смел мой отец...
Он в пропасти горной
Свой принял конец.

В двух вариантах перевода есть расхождения. Отчетливо они прослеживаются, как представляется, опять-таки в первых двух стихах. Лишь последняя строка оригинала в переводе сохранена, но и здесь эмоционально-окрашенное словосочетание «*ныххæррагъ кæмдæр*» в переводе нашло более нейтральное отражение: «*Нашел свой конец*» / «*Свой принял конец*». Чтобы сохранить рифму во второй и четвертой строках, переводчик прибегает к инверсии.

Обошлась Ахматова без передачи топонима «*Уæлладжыры ком*» (с осет. «Алагирское ущелье») в следующем четверостишии и тем самым избежала переводческого тупика:

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)	Перевод Ахматовой
Ус афæдзы бонмæ	Мачеха продержалась у нас	До года жена	А мачеха в доме
Йæхиуыл хæцыд, – Уæлладжыры коммæ	Еще год. А потом опять вышла замуж	Держалась, – В Алагирское ущелье	Отца прожила Недолго, и к мужу
Чындзы та фæцыд.	В Алагирское ущелье.	Вновь вышла замуж.	Другому ушла.

В следующей строфе подлинника встречается фразеологизм, обладающий ярко выраженной национальной спецификой (см. Дзапарова 2013, 87-90) «*къæйыл ныуадзын*» («дзæгъæлæй», «æвæгæсæгæй», «мæгуырæй ныуадзын»; с осет. «остаться под открытым небом»; «потерять кров»; «бросить на произвол судьбы»; у В.И. Абаева: «меня она оставила на плите домашнего очага» (Абаев 1996, 623). Фразеологическая единица оригинала имеет в переводящем языке семантический эквивалент – «оказаться у разбитого корыта» (или вернуться к разбитому корыту – потерять все приобретенное, остаться ни с чем (Фразеологический словарь русского языка 2008, 233). А. Ахматова не стала русифицировать текст оригинала заменой в переводе исходного фразеологизма равноценной смысловой единицей, а использует нефразеологический перевод – описывает значение фразеологической единицы: «*Оставивши сына / В убогом дому*», «*Оставивши сына / В убогом жилище*». В текстах:

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Мæн къæйыл ныуагъта...	Меня оставила в разоренном доме...	Меня бросила на произвол судьбы...
Йе амæл, йе рæз, – Æвæдздзæгæн загъта: Куыст – цардæн фæрæз!	- Или умри, или живи – Наверное, думала про себя, - Труд – средство жизни.	Или умри, или расти, – Наверное, сказала: Работа – средство жизни!

В переводе Ахматовой:

I и II варианты	III вариант
Оставивши сына В убогом дому. Пора добывать, мол, На хлеб самому.	Оставивши сына В убогом жилье, Чтоб сам о своем он Подумал житье.

Как видим, в последних двух стихах указанной строфы переводчик для перевода слов оригинала находит лексические эквиваленты.

Дальнейшее сопоставление оригинала с переводом позволило обнаружить ряд закономерностей перехода текста из одного языка в другой.

В последующих строках поэмы Хетагурова все отчетливее звучат социальные мотивы. Лирический герой рассказывает об этапах своего жизненного пути – уход из разоренного дома, скитания, одиночество, изнурительный труд ради куска хлеба. «Цы нæ кодтон радгай, / Цы нæ-цу уыдтæн?» – вопрошает герой поэмы К. Хетагурова. При этом:

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Гæппæл дæр мын нал уыд...	Ни клочка у меня уж не было...	Ни клочка не осталось у меня
Цы фæци мæ зæхх? – Хæрнæгæн, дам, бахъуыд...	Куда девалась моя земля. - На поминки, - говорят, - ушла...	Куда делась моя земля? – На поминки, говорят, понадобилась...
Цу, исты сын зæгъ!	Пойди и упрекни кого- нибудь (за это)!	Иди, что-нибудь им скажи!

В варианте перевода 1951 года фрагмент выглядит так:

Куда же девались
Луга-то мои?
Они на поминки
Давно, мол, пошли.

Другие два варианта перевода идентичны между собой и передают исходную информацию так:

Куда же девались
Угодья мои?
Они на поминки
По мертвом пошли.

Существенной смысловой разницы, как представляется, между двумя переводами стихов оригинала нет. Их отличает употребление переводчиком лексических эквивалентов «луга» и «угодья» вместо сказанного Хетагуровым «Гæппæл дæр мын нал уыд.../ Цы фæци мæ зæхх?». Не отражена в переводе последняя строка четверостишия.

Метафорический комплекс следующих строф оригинала в первом варианте перевода оставляет у читателя благоприятное впечатление. Здесь Ахматовой удалось сохранить систему художественных образов следующих строф хетагуровского оригинала:

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Бон хурмæ нывæнды Рæсугъд хуры тын, Æхсæв æй æрфæнды Мæимæ хæтын.	Днем оно уносится к солнцу Красивой мечтой, Ночью ему хочется Скитаться с луной.	День уносится к солнцу Красивый луч солнца, А ночью появляется желание С месяцем (луной) скитаться.
Кæцæй йæм фæсиды Сæрибары дуг? Цæмæн дзы æхсиды Цæдджинагау туг?	Откуда зовет его Клич свободы? Почему в нем кипит Как в котле кровь.	Откуда к нему вызывает Время свободы? Почему в нем кипит Как в котле кровь?

Ахматовой передан не только образный ряд, но и интонационное звучание стиха:

Уносится к солнцу	Откуда у сердца
Счастливой мечтой,	К свободе порыв?
А ночью желает	И что так пылает
Скитаться с луной.	В нем кровь, забурлив?

Теперь приведем примеры указанных строк в другом варианте перевода Ахматовой:

Уносится к солнцу	Как сердце ликует
Счастливой мечтой,	В свободе своей.
А ночью захочет	Бурлит и клокочет,
Скитаться с луной.	Не хочет цепей.

Первую строфу в переводах отличает лишь передача глагола «*ærfæнды*» лексемами «*захочет*» и «*желает*», которые семантически тождественны, но имеют разные морфологические признаки. Вторая строфа в первом варианте почти адекватна подлиннику, в ней лишь отсутствует сравнение «*цæдджинагау*» (осет. «цæджджйнаг» – «медный луженый котел для пива»; *æхсиды* / *Цæдджинагау туг* (букв. с осет. «кровь бурлит как в котле»). Второй вариант перевода строфы, на наш взгляд, не только не отражает вопросительную интонацию отрывка, но и его смысл. Переводчик заменят исходный образ. В оригинале у Коста бурлит «кровь», в переводе – «сердце». Исходную единицу «*æхсиды*» усиливает в переводном тексте двумя близкими по смыслу глаголами: «*бурлит*», «*клокочет*». Не увидим мы в оригинале и «*цепей*», как дано Ахматовой во втором и третьем вариантах перевода.

Следующую строфу отличает отсутствие во всех вариантах перевода эпитета «*дæргъæрфыг*» («длиннобровая»), которым автор наделяет возлюбленную героя.

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е. Дз.)
Йæ бонæй уа, уастæн,	О, как завидна доля	Его счастьем (долей) была, воистину,
Дæргъæрфыг рæсугъд! Кæм лæууы йæ хъызгæн Лæппуы тæппуд!	Длиннобровой красавицы! Против ее соблазна не может Устоять робкое сердце молодца.	Длиннобровая красавица! Где устоять ее чарам Робкому юноше!

I вариант

Красавица! Доля
Завидна ее, —
Навек она сердце
Пленила мое.

II и III варианты

Завиден твой, дева.
Удел золотой, —
Ты сердце пленила
Своей красотой.

В первом варианте переводного текста повествование ведется от первого лица, чего мы не наблюдаем у Хетагурова. Во втором и третьем вариантах стиль автора выдержан.

Далее в поэме автор показывает противоречивое состояние души лирического героя.

Оригинал

Куыд уыди йæ фыццаг?
Куыд разылд мæ сæр?
Куыд уыдзæн йæ фæстаг?
Нæ зонин ныр дæр...

Йæ уындæй куы райди
Мæ зæрдæ, куы та,
Цыма йæ фæсайди, —
Йе сæфт дзы уыдта...

Куыддæр-иу ныхъхъус дæн,
Фæлыгътæн-иу дард...
Аргъ нал уыд мæ куыстæн,
Æсуæлдай мæ цард...

Быцæугонд хъæуимæ...
Æмгартæй тæрсын...

Гъей, зæрдæ, дæуимæ
Кæй бон у хæцын?!

**Подстрочный перевод
(НА СОИГСИ)**

Как началась любовь.
Как вскружилась моя голова?
Что будет дальше?
Не ведаю и сейчас.

При виде ее то радовалось
Сердце мое,
То, как будто обезумевшее,
Ненавидело ее.

Как-то я замыкался в себя,
Убегал далеко.
Работа не радовала больше
меня,
Бесцельной стала моя
жизнь.

Настроен был против аула,
Боялся встречи со
сверстниками.

О, сердце, кто может
Бороться с тобой?!

**Подстрочный перевод
(Е.Дз.)**

Как было ее начало?
Как закружилась моя голова?
Как будет ее конец?
Не знаю сейчас тоже...

При виде ее то радовалось
Мое сердце, то опять,
Как будто было обмануто, -
Ненависть видело в ней...

Как-то замолкал я,
Убегал далеко...
Обесценился мой труд,
Стала лишней моя жизнь...

С аулом в разладе...
Сверстников боюсь...

Эй, сердце, с тобою
Кто в силах воевать?!

I вариант	II и III варианты
Как вспыхнуло чувство? Безумцем я стал. Что далее будет – Совсем я не знал.	Любовь, ты безумных Виновница дум! Что далее будет, – Не ведает ум.
То нежность при встрече Я чувствовал к ней, То вдруг ненавидел Сильней и сильней	То нежность при встрече Я чувствовал к ней. То вдруг ненавидел Сильней и сильней.
Я близких чуждался, Бродил наугад, И был я работе, Был жизни не рад.	Я близких чуждался. Бродил наугад. Забыв о работе И жизни не рад.
С аулом враждую, Бежал от друзей... Как, сердце, бороться Мне с властью твоей!	С аулом враждую, Бежал от друзей. Как, сердце, бороться Мне с властью твоей.

Если сравнивать адекватность единиц перевода в текстах А. Ахматовой, то лексический состав первого варианта перевода, на наш взгляд, ближе соответствует лексическому составу оригинала. Разночтения в вариантах перевода наблюдаются в первой и третьей строфах. Во второй и третьих вариантах перевода у Ахматовой меняется интонационное звучание оригинального стиха, исчезает вопросительная форма. Переводчик передает информацию переводимого отрывка посредством возвышенной формы стиха, характерной больше для оды: «*Любовь, ты безумных / Виновница дум!*» Во второй строфе во всех вариантах перевода Ахматовой опускается лексема «*сердце*», но отсутствие ее не меняет смысл переводимого отрывка. При передаче лексем: «*ныхъхъус дæн*» – «*чуждался*», «*фæлыгътæн-у*» – «*бродил*» Ахматовой, как видим, найдены адекватные переводческие решения. Прямой эквивалент слову «*æмгæрттæ*» в русском языке является лексема «*сверстники*», «*ровесники*», но переводчик для сохранения рифмы использует частичный эквивалент: «*Æмгартæй тæрсын...*» – «*Бежал от друзей*». Определенный колорит переводному тексту придает передача исходной единицы «*хъæу*» равнозначным эквивалентом «*аул*». Но отказ от междометия «*гъей!*» («*Гъей, зæрдæ, дæуимæ / Кæй бон у хæцын?!*») снизил в переводе, как кажется, экспрессию стиха («*Как, сердце, бороться / Мне с властью твоей!*») указанной строфы.

Произведения Коста Хетагурова при переводе всегда требуют особого тщательного подхода и отражения любой художественной детали. Приведем пример следующей строфы:

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Цæмæн-иу мæм касти	Зачем, бывало, смотрела на меня,	Зачем, бывало, на меня смотрела
Мæ сæфт хуры хай?	Мое потерянное солнышко?	Мое потерянное солнышко?
Цæмæн-иу фæраст и	Зачем, бывало, мелькала	И зачем проходила
Мæ рæзты чызгай?	Мимо меня красавица- девушка?!	Мимо меня девушка?
I вариант	II и III варианты	
Зачем на беднягу	Зачем на беднягу	
Глядела она,	Взглянула она.	
Зачем проходила.	Зачем проходила,	
Как солнце, ясна?	Как зорька ясна.	

Обратим внимание на передачу в переводе словосочетания «*мæ хуры хай*», пословный перевод которого не отражал бы в тексте его смыслового и коннотативного значения. Ахматова опускает единицу в переводном тексте, но компенсирует ее сравнительным оборотом «*как солнце, ясна?*» в последней строке указанной строфы. В другом варианте перевода «*солнце*» стало «*зорькой*». Подобная замена, на наш взгляд, в некоторой степени русифицирует текст. Исчезает в переводе строфы и личная форма повествования. Чтобы обеспечить адекватное восприятие переводимых строк оригинала получателем перевода, Ахматова дополняет образ лирического героя, именуя его «*беднягой*».

Яркие краски наполняют поэму при изображении Хетагуровым весеннего пробуждения природы:

Хур арæхдæр тавы,
Æсулæфы зæхх,
Сæгъ хъæмпæй нæ давы, –
Нæ хуссæрттæ – цъæх.

Переводной отрывок во всех трех вариантах идентичен. Но если рассматривать возможность нахождения переводчиком равнозначных единиц исходного языка в языке перевода, то мы наблюдаем ввод Ахматовой собственных мотивов. Для того чтобы наглядно проследить их, приведем подстрочный перевод вышеприведенной строфы:

Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)

Солнце греет чаще,
Пробуждается земля,
Коза уже не ворует солому, -
Южные склоны зазеленели.

Подстрочный перевод (Е.Дз.)

Солнце чаще греет,
Вдыхает земля,
Коза из соломы не ворует, -
Наши южные склоны - зеленые.

Читаем в переводе А. Ахматовой:

Приветливей солнце,
Пушистей лоза,
Уже не ворует
Солому коза.

Легко проследить отсутствие в переводе второй и четвертой строк оригинала. Наблюдается замена лексических единиц оригинала в переводе другими, значение которых, на наш взгляд, не совпадает со значениями единиц исходного языка: «*Æсулафы зæхх*» (с осет. «Вдыхает земля») → «*Пушистей лоза*». Здесь переводчиком игнорируется образно-выразительное средство языка – олицетворение.

В следующей строфе обращает на себя внимание междометие «*гъе, мардзæ!*» (с осет. «ну-ка!», «живо!», «давайте!»), употребляемое в тексте для воодушевления, призыва. В первом варианте перевода мы наблюдаем его русскоязычный аналог «*эй, молодец!*». Во втором – Ахматова облегчила себе задачу и механически переносит междометие в переводной текст как «*эйт-мардза*». Приведем примеры строфы в оригинале, подстрочном переводе и в интерпретации Ахматовой.

Оригинал

Фæзыны гæлæбу...
Зынг фесты зæрдæ...

Гъе, мардзæ, нæ лæппу! –
Цы фæдæ, кæм дæ?!.

I вариант

Вот бабочек время...
А сердце – в огне.
Эй, молодец! Где ты
В какой стороне?

**Подстрочный перевод
(НА СОИГСИ)**

Появляется бабочка,
Сердце становится как огонь

Эйт-мардза, наш молодец
Куда девался, где ты?

II и III варианты

Вот бабочек время...
А сердце – огонь!
Эйт-мардза, наш парень
Такого не тронь!

**Подстрочный перевод
(Е.Дз.)**

Появляется бабочка...
В огонь превращается
сердце...

Ну-ка! Наш парень! -
Куда делся, где ты?!

Подобное транскрибирование исходной единицы вполне может, на наш взгляд, поставить в тупик русскоязычного читателя. По справедливому замечанию Л.К. Парсиевой, механическая передача междометий в переводной текст «приводит к неправильному восприятию значения всего высказывания, так как семантическое содержание ИЕ (интеръекционной единицы – Е.Д.) непонятно для представителя другой лингвокультуры» (Парсиева 2008, 162). В переводах расходится значение последних строк четверостишия. Но по отношению к оригиналу аналогичен перевод стихов, предлагаемый Ахматовой в первом варианте.

Социальное неравенство явилось препятствием к счастью лирического героя с возлюбленной. Их браку противится отец невесты. Художественное своеобразие стиха усиливается с помощью подобранных автором сравнений. Коста Хетагуров в произведении сравнивает отца возлюбленной героя с лесным зверем («хъæды сырд»), серым медведем («цъæх арс»), с героем Нартовского эпоса *Сырдоном*.

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Магуйр лæгмае – схъæлдзырд, Æнаббарвæссон;	С бедняком – высокомерный, Пренебрежительный,	С бедняком – хвостун, Кичливый (пренебрежительный)
Хъæубæсты – хъæды сырд, Хæдзары – Сырдон.	Среди односельчан – дикий зверь, В доме он – Сырдон. ***	Среди односельчан – лесной зверь, В доме – Сырдон.
Æмвæнд æстæм рагæй... Мад циу? Мад нæ фарс	Сговорился я с ней давно. Что мать? Мать будет	Сговорились мы давно... Мать что? Мать на нашей стороне
Хæццæнис дæндагæй... Фыд... Фыд у цъæх арс!	На нашей стороне. Отец. Отец как разъяренный медведь.	Будет бороться (против)... Отец... Отец – серый медведь!

Рассмотрим пути преодоления переводчиком несоответствий в поисках эквивалентных по значению единиц исходного языка. А. Ахматова стремилась воссоздать образность стиха Хетагурова и подобрать подходящие семантические эквиваленты. Анна Андреевна, как представляется, по-своему справилась с передачей художественных образов оригинала. В первом случае переводчик сравниваемый образ опускает и возмещает его прилагательным «грубый», частично передающим семантику исходной единицы. В другом – переводит аналогами: «*взъяренный медведь*», «*взбешенный медведь*». Имя

фольклорного персонажа Сырдона в переводе транскрибируется, но здесь, как представляется, переводчику можно было указать характерные черты, присущие этому герою народного эпоса (находчивость, хитрость и др.). Но, как полагает Р.Н. Абисалова, «любопытный читатель при желании сможет узнать о том, кто назван в стихотворении Коста Хетагурова» (Абисалова 2009).

Смотрим отражение указанных строк оригинала в текстах перевода А. Ахматовой:

I вариант	II вариант	III вариант
И горд и надменен Пред бедными он; С соседями груб он, А дома – Сырдон. ***	Пред бедными гордый И замкнутый он, С соседями грубый, А дома – Сырдон.	Пред бедными гордый И замкнутый он, С соседями грубый, А дома – Сырдон.
С любимой поладил Мать – с нами. Но ведь! Отец у любимой Взъяренный медведь.	С любимой поладил. Мать – с нами. Да ведь Отец у любимой – Взбешенный медведь.	Я с ней сговорился, Согласна. Да ведь Отец у любимой – Взбешенный медведь.

В тексте Коста упоминается существовавший у осетин обычай дарения коня матери невесты (Абаева 2012, 182-186; Абаева 2013; Багаев 2014, 395; Дарчиев 2015, С. 25-32): «*Сæ мадæн цын ссардтон / Дыууæ галай бæх*». При этом лирический герой уточняет – конь ценою двух быков. В переводе этого нет: «*Для будущей тещи / Коня я добыл*». Но необходимо отдать должное переводчику за стремление воспроизвести общий смысл переводимого отрывка.

Удачна в третьем варианте перевода А. Ахматовой передача идиоматического выражения «*мад судзы мастæй...*» (с осет. «мать пылает от гнева») – «*и в ярости мать*». В других вариантах перевода единица представлена нейтральными средствами: «*и мучится мать*». Фразеологизм исходного текста «*маæ зардæ æссау*» и эмоционально-окрашенное выражение «*дæ мад амæла*» не представлены ни в одном из вариантов перевода. Фразеологизм в переводе заменен образным сравнением: «*стал ночи темней*», вторая единица в переводах и вовсе исчезла: «*как жизнь тяжела*» (I вариант) / «*беспомощен ты*» (II и III варианты).

Противоречит содержанию оригинала, на наш взгляд, ввод в переводной текст конструкций, типа: «*а милую сватать*», «*любимый ты где?*». Этого всего нет у Коста Хетагурова.

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Кæй та сын æй курыңц, Уый ацы сахат Сæхуыддæг дæр дзурыңц. Нæ йæ дæтты мад.	А что опять ее сватают, Об этом они теперь И сами говорят... Только не выдает ее мать. ***	Что опять у них ее сватают, В это время Сами тоже говорят. Не отдает ее мать.
Æрвиты мæм ал-хатт:	Все время вызывает ко мне:	Посылает ко мне каждый раз:
«Цы фæдæ, кæм дæ? Мæлынмæ мæ ма ратт, Фæзын, кæд лæг дæ!»	«Куда ты девался, где ты? Не дай мне погибнуть, Явись ко мне, коль ты мужчина!»	«Куда делся (пропал), где ты? На погибель не отдавай меня Появись, если ты мужчина!»

Перевод Ахматовой:

А милую сватать
Стал кто-то опять,
Но этому, впрочем,
Противится мать.

Зовет меня громко:
«Любимый, ты где?
Не дай мне погибнуть
В позорной беде!»

Герой поэмы повествование о своей несчастной одинокой судьбе заканчивает так, тем самым отвечая на вопрос, поставленный в заглавии произведения:

Оригинал	Подстрочный перевод (НА СОИГСИ)	Подстрочный перевод (Е.Дз.)
Гъе, уый дын мæ митæ, – Куыд фæнды сæ дом! Фæрсыс ма мæ: чи дæ? –	Вот таковы мои дела, – Как хочешь, так думай о них! Если еще спрашиваешь меня «кто ты».	Вот тебе мои дела, – Как хочешь их называй! Спрашиваешь еще меня: кто ты? –
Уæд иунæг – мæ ном!	То – «одинокий» вот мое имя.	Тогда одинокий – мое имя!

А такую концовку поэмы мы видим в I и II вариантах интерпретации Ахматовой:

Так видишь, какое
Житье-то, бытие?..
Кто я? Одинокий –
Вот имя мое.

Здесь переводчик, на наш взгляд, русифицирует исходный текст вводом лексических единиц («какое / *Житье-то, бытие?..*»), характерных больше для русской поэзии.

В III варианте перевода Ахматовой мы этого не увидим:

Что хочешь, то думай
Об этой любви.
Меня ж «одиноким»
По праву зови.

Но и этот вариант не совсем верно, как кажется, отражает значение лексических единиц оригинала.

Таким образом, сличение трех вариантов перевода Ахматовой поэмы К. Хетагурова «*Чи дае?*» с оригиналом, показало, что ни один из них, на наш взгляд, не является адекватным подлиннику художественным переводом. Но вряд ли это лишь вина переводчика. Скорее всего, в доработках нуждались сами подстрочники, с которыми работала А. Ахматова. Как легко заметить из приведенных в тексте примеров, подстрочный перевод поэмы Хетагурова «*Чи дае?*» (НА СОИГСИ) тоже «чистым» подстрочником не назовешь. Авторы подстрочника стремились не только воспроизвести смысловое значение каждой строки оригинала на языке перевода, но и рифмовать строки, вносить свои элементы, аналогично этому: «*Цæмæн-уу фæрæст и / Мæ рæзты чызгай?*» – «*Зачем, бывало, мелькала / Мимо меня **красавица-девушка?!***» Но если сравнивать степень эквивалентной передачи лексических единиц оригинала в вариантах перевода А. Ахматовой поэмы К. Хетагурова «*Чи дае?*» («*Кто ты?*»), то, на наш взгляд, наиболее удачным из них является переводной текст, изданный в 1951 г. Что касается передачи национального своеобразия художественного текста Хетагурова в переводах, то она осуществлена отчасти. Механическое воспроизведение и опущение (нулевой перевод) – основные принципы Ахматовой при воспроизведении в переводах языковых единиц оригинала с национально-культурной семантикой. И все же переводческий труд Ахматовой нельзя недооценивать. Благодаря кропотливому труду поэта,² одно из наиболее значительных произведений К. Хетагурова стало доступно читателю на русском языке.

2 Именно поэтом, а не поэтессой позиционировала себя А. Ахматова.

Библиография

- Абаев, Василий Иванович (1996). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. В 4-х томах. Т. 1: А-К'. Москва: ВикоМ [первое издание: Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1958].
- Абаева, Фатима Олеговна (2012). «О семантике и символике коня – бæх в свадебной обрядности осетин». *Фундаментальные исследования*, 11, 1, 182-186. URL <http://cyberleninka.ru/article/n/o-semantike-i-simvolike-konya-b-h-v-svadebnoy-obryadnosti-osetin> (2017-10-01).
- Абаева, Фатима Олеговна (2013). *Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика)*. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А.
- Абисалова, Раиса Николаевна (2010). «Аллюзии Нартовского эпоса в творчестве Коста Хетагурова». *Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ», посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ (Владикавказ, 6-7 октября 2009 г.)*. Владикавказ: СОИГСИ, 140-147. URL <http://iratta.com/stati/14452-allyuzii-nartovskogo-eposa-v-tvorchestve-kosta-hetagurova.html> (2016-02-02).
- Багаев, Алан Батырбекович (2014). «Обычай дарения коней в свадебной обрядности осетин (период традиционного общества)». *Современные проблемы науки и образования*, 1, 395. URL <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11385> (2016-12-27).
- Бархударов, Леонид Степанович (1984). «Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык». *Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник*, вып. 21, 38-48.
- Г.А. (1936). «Кто ты?». *Растдзинад*, 29 апр.
- Дарчиев, Анзор Валериевич (2015). «О значении фаты бæх в свадебной обрядности осетин». *Известия Северо-Осетинского Института Гуманитарных и Социальных Исследований*, 18(57), 25-32. URL <http://izvestia-soigsi.ru/ru/archive/-18-57-2015/382-darchiev> (2016-12-27).
- Дзапарова, Елизавета Борисовна (2012). «Осетинские переводы очерка К.Л. Хетагурова «Особа»: к проблеме адекватности переводных текстов». *Известия Северо-Осетинского Института Гуманитарных и Социальных Исследований. Школа молодых ученых*, 8, 251-263.
- Дзапарова, Елизавета Борисовна (2013). «Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 6 (24) 2, 87-90. URL http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_6-2_21.pdf (2017-01-10).

- Дзапарова, Елизавета Борисовна (2012). «Русскоязычная проза К.Л. Хетагурова в осетинских переводах (на материале перевода рассказа «Охота за турами)». *Известия Северо-Осетинского Института Гуманитарных и Социальных Исследований*, № 8 (47), 80-90. URL <http://izvestia-soigsi.ru/ru/archive/175-dzaparova> (2017-01-10).
- Дзапарова, Елизавета Борисовна (2014). «Эквивалентность лексических единиц оригинала в вариантах перевода А. Ахматовой поэмы К. Хетагурова «Чи дæ?» («Кто ты?»). *Коста и мировой историко-культурный процесс. Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова*. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 96-115. URL <http://soigsi.com/books/kosta.pdf> (2017-01-10).
- Дзахов, Игорь Михайлович. «Некоторые итоги опыта переводов «Осетинской лиры» К. Хетагурова на русский язык». НА СОИГСИ, ф. К. Хетагурова, оп. 2, д. 386.
- Дзахов, Игорь Михайлович (1996). *О переводах «Осетинской лиры» Коста*. Владикавказ: Ир.
- «Ирон фæндыр». *Подстрочный перевод на русский язык в 1939 г.* Текст перевода пересмотрен Комиссией в составе М. Тотоева, А. Гулуева, Г. Калоева в 1950 г. НА СОИГСИ, ф. К. Хетагурова, оп. 1, д. 102, п. 14.
- Кашкин, Иван Александрович (1977). *Для читателя-современника: статьи и исследования*. Москва: Советский писатель.
- Мамиева, Изета Владимировна (2013). *Поэтическая вселенная К.Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»)*. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А.
- Материалы о Коста Хетагурове. Переводы*. НА СОИГСИ, ф. Хадарцевой А., д. 33.
- Найфонова, Фатима Тасолтановна (2014). «Анна Ахматова – переводы из осетинской поэзии». *Известия Северо-Осетинского Института Гуманитарных и Социальных Исследований*, 11(50), 67-74. URL <http://izvestia-soigsi.ru/archive/vipusk-11/234-neifonova> (2016-12-29).
- Парсиева, Лариса Касбулатовна (2008). «Непроизводные междометия: проблемы перевода». *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 59, 160-165. URL <http://cyberleninka.ru/article/n/neproizvodnye-mezhdometiya-problemy-perevoda> (2016-12-26).
- Сенько, Елена Викторовна (1992). «Поэзия Коста Хетагурова в русских переводах». *Дарьял*, 2, 134-145.
- Томеллери, Витторио Спрингфильд; Сальватори, Микеле (2013). «Несколько соображений о переводе «Осетинской лиры» Коста на итальянский язык». *Известия Северо-Осетинского Института Гуманитарных и Социальных Исследований*, 10(49), 10-17. URL <http://izvestia-soigsi.ru/archive/vipusk-10/211-tomelleri> (2017-01-10).

- ФСРЯ (2008). *Фразеологический словарь русского языка* (Авторский коллектив: проф. И.В. Федосов, канд. ф. н. А.Н. Лапицкий). Москва: «ЛадКом».
- Хетагуров, Коста Леванович (1936). «Кто ты?» (перевел П. Сосиев). *Пролетарии Осетии*, 1 июня.
- Хетагуров, Коста Леванович (1949). «Кто ты?» (перевела Е. Благинина). *Избранное*. Сталинир: Изд-во и тип. Госиздата Юго-Осетии.
- Хетагуров, Коста Леванович (1951). «Чи дæ?» – Кто ты? (перевела Анна Ахматова). *Ирон фæндыр (Осетинская лира)*. Москва: Издательство АН СССР, 144-163.
- Хетагуров, Коста Леванович (1952). «Кто ты?» (перевела А. Ахматова). *Осетинская литература*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 98-101.
- Хетагуров, Коста Леванович (1981). «Кто ты?» (перевел Л. Озеров). *Поднимаясь на перевал. Из осетинской поэзии*. Орджоникидзе: Ир, 19-28.

